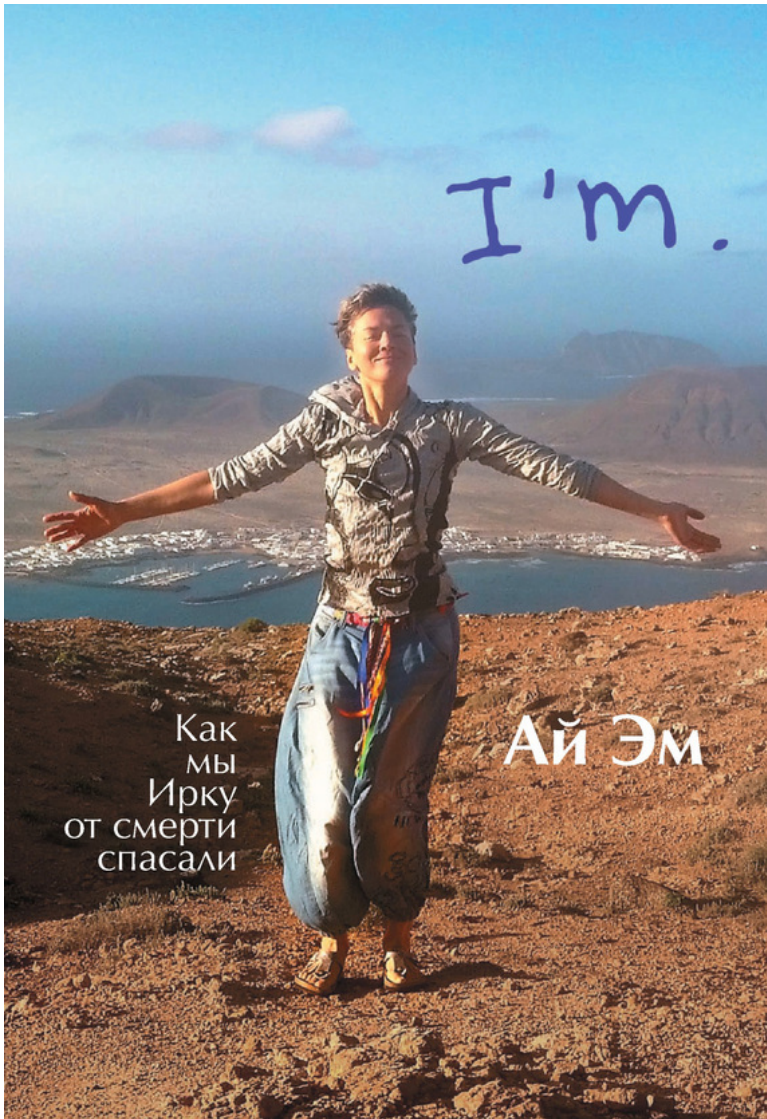

I'm.

Как
мы
Ирку
от смерти
спасали

Ай Эм

Марина Львовна Москвина Ай Эм. Как мы Ирку от смерти спасали

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23214564

Ай Эм. Как мы Ирку от смерти спасали / М. Москвина: РИПОЛ

классик; Москва; 2017

ISBN 978-5-386-09765-3

Аннотация

«ГМ» – так подписывала свои письма Ирина Мелдрис, литератор, переводчик, журналист, неутомимый искатель путей духовного развития. В 90-е, когда двери в мир открылись, ей было двадцать, и вся ее жизнь стала поиском грани между внутренним и внешним, преодолением гравитации, путешествием – не только из страны в страну, но и в другие реальности. Она была очень любопытна, особенно к тому, куда проникало нечто неведомое, ее манила энергия, бьющая из иных пределов, притягивало все чудесное. Благодаря ей читатели в России узнали Стефана Рассела, Экхарта Толле, Стюарта Сватски, Финна и других писателей, расширяющих сознание. Именно она предложила к изданию «Мусорную корзину для Алмазной сутры» Марины Москвиной, чья повесть об Ире предваряет нашу книгу, написанную ее друзьями и братьями по духу. Мы даем отрывки

из этих книг – с письмами Иры, ее стихами и фотографиями. Она издавала книги Учителей, но когда настал час испытаний, она достойно прошла этот Путь, став настоящим Учителем для всех нас.

Содержание

Марина Москвина	11
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Марина Москвина
Ай Эм. Как мы Иркуту
от смерти спасали**

Откуда что взялось, туда и денется без остатка.
 Сквозь перламутр улиц шаг лёгок
 и невесом.

Нарисованное пространство
 Подкрадываясь обнимает за плечи,
 До хруста сжимает пальцы,
 Целует в чёрную глазунью
 Зрачка.

А в хижине рёбер соревнования
 бабочек на батуте.

Всё радостней и беспощадней
 мягкий размах их крыл
 их вибрирующее дрожанье

Есть стихийное отрицанье

Всего что осталось за кругом
 Но уже просочилось в памяти
 безмятежно дремлющий ил.

Марина Москвина

I'm for you¹

На книжную ярмарку добирались непросто. Рейс на Франкфурт, специальный чартер для российских участников, методично откладывался. Восемь часов цвет нашей литературы фланировал по аэропорту. Многие в преклонных летах, натурально, аксакалы: в зале ожидания запахло валокордином.

Писатель Анатолий Приставкин, кроме всего прочего, советник президента по вопросам помилования, оплот международного движения за отмену смертной казни, позвонил в оргкомитет – выяснить, в чем дело.

Молодой бодрый голос ответил Анатолию Игнатьевичу: – А что вы хотите? Писатели должны знать жизнь!

Днем позже Эдуард Успенский, глядя на сияющие разноцветными огнями стенды иностранных издательств в сравнении с нашими – в буквальном смысле слова, без огонька, шутил, что у нас другие задачи: нам главное... взлететь.

Во Франкфурте меня поселили в номере со Светланой Василенко, мы спали на широкой супружеской кровати, что нас очень сблизило. Совместное житье во Франкфурте было сюрпризом для российских писателей, но не для всех при-

---

¹ im4u@ – электронный адрес Иры Мелдрис.

ятным. Цветущая Настя Гостева очутилась в номере с поэтом Еленой Шварц, одной из ведущих фигур ленинградской неофициальной культуры 1970-х и 1980-х годов, та беспрерывно курила, и Настя, глубоко сознавая прану, понимая толк в пранаяме, взбунтовалась.

Поджидая Успенского, чтобы вместе отправиться на ярмарку, я увидела Настю у стойки администратора. Та пыталась объяснить простому немецкому пареньку, что им трудно с Еленой Шварц дышать одним воздухом, и нельзя ли составить иную констелляцию?

Их союз оказался, увы, нерасторжим, так что Настя, огорченная, вышла на улицу, тут очень кстати подоспел Успенский, и я представила ему Гостеву, хотя мы с ней не были знакомы.

– Откуда вы меня знаете? – спросила она сумрачно.

Мир был в раздоре с ней, и она не спешила принимать пальмовую ветвь.

Я выказала искренний восторг ее повестью об Индии «Travel Агнец». И поскольку я старая Герда с огромным опытом растапливания заледеневших сердец, Настя вскоре оттаяла, и мы уже весело шагали втроем, обсуждая, куда бы мне предложить мое собственное скитание по Индии – «Небесные тихоходы».

Недолго думая, Настя решила познакомить меня с Иррой Мелдрис из «Софии», а там, бог даст, и с Олегом Вавиловым.

– И если у вас путешествие не из комнаты в кухню, а –

все-таки ПУТЬ, – авторитетно заметила Настя, – это их заинтересует.

Она моментально взяла меня под крыло, хотя по возрасту годится мне в дочери, подобным образом моя соседка в Уваровке, искуснейшая печница Полина, когда мы появляемся с Лёней Тишковым в деревне, регулярно через забор нам передает кастрюли супа.

Ира до вечера была занята, и мы с Настей, прогуливаясь по Набережной Музеев, забрели на выставку живописи обнаженного женского тела.

– Какие они теплые, – сказала Настя.

Мы стояли на мосту и глядели, как под нами струился, вздыхал и шевелился Майн, пока не проклюнулся бледный закат, погодка так себе, накрапывал дождь, но Майн честь по чести алел и золотился, с криком носились чайки, ложились крылом на ветер. Пора было ехать на свидание с Ирой.

Не придавая значения этой встрече, я следовала за Настей, как перезрелый птенец, который до конца дней своих будет полагаться на импринтинг (обычно я следую за Лёней по всему миру, а тут мне сам бог послал Настю!). Мы явились первые, по-птичьи устроились на парковочных цепях, и так сидели, покачиваясь, любимое занятие – глазеть по сторонам, в незнакомом городе, аборигены, озабоченные, спешат по своим делам, а ты бездельничаешь и наслаждаешься каждым мгновением.

Настя говорит: – Вон она идет.

Я обернулась – и тут же увидела ее среди прохожих. Наверное, у всех так бывает – при первой встрече, когда она несет в себе историю любви: ты очень сильно присутствуешь в моменте, хотя все совершается само собой, без усилий, не знаешь даже как. Просто чувствуешь, как начинает другой циркулировать воздух, неуловимое изменение судьбы.

Все исчезает куда-то, остается лишь это существо, источающее свет, больше ничего.

Право слово, она шла так свободно, легко, почти не касаясь асфальта, как будто все тяжести мира, все путы и привязи, и загромождение земли к ней не имели ни малейшего отношения.

Наверное, припустил ливень, иначе зачем мы зашли в магазин и купили мне зонтик, а заодно каждому по кульку марципанов? Окольными дворами явились в какой-то культурный центр и сделали все от нас зависящее, чтобы как можно дольше усидеть на очень умной лекции по экономике. Однако, разобравшись с марципанами, Ира произнесла фразу, которая привела меня в восхищение. Она сказала:

– Какой нудный перец!

Мы тихо выскользнули в бар, и неожиданно встретили там давнего поклонника Насти, который на радостях взял нам по пятьдесят абсента.

Мир остановился.

Абсент на людей действует по-разному. Не знаю, как мои спутницы, я, слету приобщенная туйоном к тайнам иных

измерений, ощутила гармонию, счастье и полнейшую эмпатию.

Кругом были рассыпаны крошечные чудеса и маленькие улыбки, подающие нам знаки, мы слушали музыку в глубине вещей, веселились, что-то рассказывали друг другу, вибрации проходили сквозь нас, не встречая никаких преград, – лично я этим франкфуртским вечером с большим размахом праздновала «выход из Матрицы», двери моего восприятия были очищены горькой полынью, Сущее, как говорил Уильям Блейк, явилось мне таким, какое оно есть – бесконечным, а понятие времени, итак в моем случае не вполне отстроенное, вконец потеряло всякий смысл.

Поздно вечером возвращались «домой» в метро. Ире – еще ехать и ехать, мы с Настей махнули ей на прощание платком. Поезд тронулся, я обернулась. Ира внимательно и без улыбки смотрела на меня из окна. Так несколько секунд мы серьезно смотрели друг на друга, и если взгляд можно было бы перевести в слова, он означал: это ты – или не ты?

На другой день вместо ярмарки я задумала экскурсию в Ботанический сад. Как-то распогодилось, и на писательский «подиум» выходить не хотелось. К тому же это слово ассоциировалось у меня с одной историей. Дело было в девяностых. Дина Рубина, с юных наших лет чувствуя ответственность за мою писательскую судьбу, направила меня к израильскому нуворишу по фамилии Зильберштейн, прибывшему в Москву с благородной целью добыть материал для глян-

цевого издания, учрежденного им с дальним прицелом: чтобы его праздная дочь хоть чем-нибудь занялась кроме околачивания груш. Набоб остановился в «Палас-отеле» на «Киевской», куда я и направила к нему стопы, со своими рассказами подмышкой.

Зильберштейн открыл дверь и, смерив меня глазом, неожиданно произнес:

– Рост?

– Один метр пятьдесят восемь сантиметров, – ответила я, не дрогнув.

– Мало, – он поморщился. – Объем груди? Объем бедер? Этой информацией я не располагала.

– Ой, ладно, – махнул он рукой. – Давайте ваше портфолио. Клянусь, я понятия не имела, что это такое.

– Хотя бы фотографии, где вы на подиуме? – настаивал он. – Я же просил принести портфолио!

Тут пришла, видимо, еще одна писательница, ужасно длинная и худая, словно лоза или кипарис. Ни на секунду не удивившись, она отгарабанила свои объемы, и шестое чувство подсказало мне, что параметры этого автора его устроили куда больше, чем мои. Когда же он затребовал портфолио, и она выудила эту штуку из пакета, сомнения развеялись – я попала на кастинг манекенщиц. Дина потом говорила – ну и что? Да, Шмулик Зильберштейн вздумал открыть журнал мод, но там предполагались разные рубрики, я тебя прочила в «детский уголок». Что ты, как дикая серна? Подождала бы

еще немного – глядишь, вослед кипарису явилась бы Таня Толстая, она бы ему показала «портфолио»!

Короче, подиум.

А моя Света Василенко:

– Иди-иди! Придут на Улицкую, заодно и на тебя посмотрят. На подиуме в нашу компанию затесался поэт, сочинивший одно из тех стихотворений, которое раз повстречаешь, и оно осядет в памяти, растворится в подкорке, умирать будешь – вспомнишь. Время от времени оно всплывало строками из какого-то древнего эпоса, и вот те на! – принадлежало перу Вадима Месяца:

Это не слезы – он потерял глаза.

Они покатались в черный Хевальдский лес.

Их подобрал тролль.

И увидел луну.

...

увидел луну и сказал: луна.

Она подороже, чем золотой муравей,

И покрулей, чем мохнатый болотный шар.

...

Чтобы не плакать, нужно скорее спать.

Когда мы благополучно выступили, и публика стала расходиться, откуда ни возьмись, появилась Настя Гостева. Все утро она гуляла в зоопарке, любовалась семейством шимпанзе.

– Пошли, – сказала она. – Я тебя познакомлю с Олегом Вавиловым, и ты отдашь ему свою рукопись.

Олега не застать, одна деловая встреча плавно перетекала в другую. На стенде «София» мы встретили Иру, правда, немного квелую в сравнении с вчерашним днем. С утра она пережила тренинг «Путь воина», где было объявлено, что духовный воин проверяется по горловой чакре: если пущенная из лука стрела угодит ему в яремную ямку, истинному победителю тьмы это будет трын-трава. Кто готов?

Вышла Ира и встала перед ним, сияя потаенным светом.

Я живо представила картину – стриженная под мальчика, непонятного возраста – я промахнулась на десять лет, решив, что ей нет и двадцати пяти. («А как же моя мудрость?» – воскликнула она). Правильные черты, «нарядный рост», гармоничное сложение. Древние обитатели Индии, высокие и светлоглазые арии, могли бы взять на себя ответственность за ее генетический код.

Казалось, она даже немного стеснялась своей красоты, сознательно умеряла ее, как это делал поэт Мацуо Басё, пытаюсь в скитаниях ослабить, смягчить свой поэтический дар.

Она нарочно притормозила на пороге взрослого мира, почуввав, что его блага предполагают некую косность сознания, и выбрала гибкость, чувствительность, уязвимость, полнейшее отсутствие защитного поля.

И тут же – так мне хорошо знакомое – стремление вечно испытывать судьбу.

Вскоре после окончания Института иностранных языков Мориса Тореза в «лихие» 90-е – на представлении заклинателя сиамских питонов, удавов и королевских кобр, она, единственная из публики, откликнулась на призыв факира: и ее обвинил удав.

Так она стояла, замерев, обвитая удавом, ошарашенным подобной отвагой. А также – красотой и безумной Иркиной храбростью был начисто сражен британский продюсер Малколм, прямо из объятий удава пригласивший ее переводчицей на съемки английского сериала «Приключения стрелка Шарпа» в Крым, а там и принял на работу в свою кинокомпанию.

«Дело это для меня абсолютно новое и незнакомое, – писала она из Лондона родителям. – Никогда раньше не приходилось мне столько читать на английском в такие сжатые сроки. А во-вторых, проглотив книгу или сценарий, нужно оценить их с точки зрения художественной значимости, оригинальности формы, привлекательности персонажей, понять, заинтересуют ли это английскую аудиторию (господи, откуда я знаю!), можно ли адаптировать для телевидения и многое другое. Ты должен родить все эти идеи, а дальше – придать им приличный литературный вид, чтобы мое творчество мог почитать не только Малколм (Малёк), но и любые посторонние люди...»

И это был не предел мечтаний.

«Раздобыла лингафонный курс классического английско-

го произношения и штурмуя его и так и эдак...»

Подумывала – когда-нибудь, если случится оказия и судьба не забросит за тридевять земель – заняться режиссурой («...в кино, говоря о режиссуре, хожу довольно часто, посмотрела немало интересных фильмов, совсем некоммерческих, едва ли они у нас когда-нибудь пойдут. Все больше убеждаюсь, что в Голливуде (ха! Они меня там просто заждались!) мне делать нечего: европейское кино, да и сама культура мне куда ближе, чем американский «action», поскольку апеллирует к внутренней, эмоциональной сути человека, его психологии. Посему американская публика в массе вряд ли мной бы удовлетворилась, так что будем ориентироваться на Европу...»

И если оказия не случилась, то лишь потому, что жажда к жизни, которую не смогли заглушить никакие неудачи («глядь, она все-таки вылезает наружу, как подорожник сквозь трещину в асфальте»), и круг ее притяжений были безбрежны. За одну, увы, недолгую жизнь она собралась прожить несколько.

Вдруг ее потянуло в стеклодувы. «Хожу-ищу инструменты для работы со стеклом. Зашла в стеклодувную мастерскую, все там разнюхала и даже попробовала сама выдуть – ...улитку. Бедняжка получилась кривобокая, косолапая, однорогая, но благодаря этой помеси черепахи с жирафом уяснила для себя главное: это каторжный труд – с тяжелой железной трубкой, которую надо все время крутить вокруг

своей оси перед пышущими жаром печами – руки отваливаются, кругом вредные испарения – этаким хобби себя в два счета угробишь! Да и вещи получаются слишком громоздкие и осанистые. Я стеклодувам так и сказала, что меня привлекают более мелкие и грациозные формы. А они: в таком случае надо изучать технику «работы с лампой». Потребуется «газовый пистолет», из которого вырывается горячее пламя, газовый баллон, специальный стол, всякие мелкие приспособленьица и масса терпения. К сожалению, в Англии этот метод не практикуется, он популярен в Венеции, но я не расстраиваюсь и уже раздобыла книжку послевоенного издания, очень полезную для стеклодувного творчества...»

Впрочем, я отвлеклась.

«Одиссей» вскинул лук, натянул тетиву, тщательно прицелился, выпустил стрелу (слава богу, с тупым деревянным концом, без стального наконечника), попал, Ира стойко встретила ее горловой чакрой, как и подобает дозорному неба, но потом все же пару дней ощущала небольшой дискомфорт.

– Оставь рукопись, – она сказала мне. – Я передам Вавилону, и сама почитаю!

С собой у меня был небольшой роман «Мусорная корзина для Алмазной сутры».

История «Корзины» такова. Мать моя Люся давно замыслила книгу о своем отце Степане Захарове. Это был рыжий, конопатый большевик, обладавший невероятно чуткой

психикой. В минуты острейшей опасности в нем просыпались какие-то скрытые сидхи: при отступлении в Восточной Пруссии он видел не только куда бежал, но при этом еще и каждого, кто в него целился!

Пережив три войны и три революции, тюрьмы, каторгу, солдатчину, передовую на Первой мировой, ранение, германский плен, газовую атаку в Осовце, переход через Сиваш в Крыму на Гражданской, он вечно посмеивался, неважно – над мимолетным или нетленным. Веселье, как масло смазывало колеса его жизни. Все тешило его взор и услаждало слух, куда бы ни забросила его судьба, старик возбужден, воодушевлен, недаром он пишет в дневнике, что мир ему представлялся не в виде четких предметов, а в виде вихрей, энергетических вибраций.

Покинув эту землю, Степан оставил сундук сокровищ, доверху набитый архивами, мандатами и прокламациями, пропусками в Кремль, подшивками «Искры» и «Пролетария» – столь намагниченный мистерией бытия, что к нему было страшно прикоснуться.

Полет на сундуке Захарова с его удостоверениями, свидетельствами Челябинской и Таганрогской, Мелитопольской и прочих Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением на право ношения револьвера системы «парабелюм» (револьвер вместе с шашкой Люся успела сдать в Музей Революции как раз перед его упразднением), бесчисленными свидетельствами очевидцев

о днях кончины Ленина, блокнотами и дневниками, куда он скрупулезно заносил события своей мятежной биографии – вот что, казалось Люсе, должна являть собой наша повесть.

Но в случае сундука Степана, мы имели чертову уйму элементов, событий, взаимосвязей, которую, хоть ты тресни, – собрать в единый рассказ нечего и думать, пока за это не возьмется само Провидение. Однако Провидение запаздывало, и, ведая о каждом миге бурной и своевольной жизни героя, Люсе никак было не ухватить его образ – непоколебимого воителя, беззаботного хохмача и неумолимого возлюбленного. Разумеется, она волновалась – что я буду делать, если она не своротит эту гору?

И вдруг мне на выручку из тьмы веков прорвался свободный и страшный Хуйенэн, Шестой патриарх Дзен. Озираясь как тигр, он принялся бормотать свои страшные и свободные сутры.

В эту самую пору я жила в Переделкине совсем одна, канал связи там чист и хорошо настроен, и я могла черпать из его праджняпарамиты сколько заблагорассудится. Первое, что мне дано было понять – сколь нерушимым чертогом мудрости был мой дед Степан – прообраз героя «Мусорной корзины...» Гудкова, чьи хулиганские выходки и высказывания вошли в историю дзен с пожелтевшим манускриптом «Путь к коммунизму», сочиненным дедом.

Одна за одной стали рождаться притчи о моих стариках, мудрецах в миру, истинных духовных воинах в самой гу-

ще мира, основанные на реальных событиях истории нашей страны, начиная от Октябрьской революции, предвоенной эпохи и Великой Отечественной войны, маленький роман, охватывающий собой огромные пространства, грандиозные события, а также полностью запредельные явления.

Здорово поддержал «Мусорную корзину для Алмазной сутры» и мой друг Седов, который приветствовал звоном щита гремучую смесь большевизма и дзен-буддизма, а если дело стопорилось, с шашкой наголо скакал на подмогу, и чуть что кричал:

– Ты – человек мелкий для мифа!!! Ты должна мне слепо доверять! Слышишь?? Слепо!!!

(Мы были тогда на одной волне и хорошо понимали друг друга, а когда расстались, и я жаловалась Ире, что скучаю по нему, – «ты скучаешь по нему – ТОМУ», – отзывалась мудрая Ирка).

Роман у меня взяли в журнале «Знамя». Вернее, начало романа: вещь пишется так долго, что не выдерживаешь и порой срываешь недозревший плод, Юрий Коваль это сравнивал с отбыванием срока: пять лет, считай, отмотал, осталось две недели, и ты бежишь, не в силах уже высидеть ни дня!

«Знамя» подхватила Мелдрис, и вот уж меня приглашают в издательство «София» заключать договор. В ожидании Вавилова мы гоняли ромашковые чаи, рассказывая, чем завершилась для каждого из нас книжная ярмарка.

Ира со своими коллегами-издателями отправилась из

Франкфурта в Париж, откуда она писала родителям:

«Когда мне будет столько лет, сколько вам сейчас, я опишу в своих воспоминаниях октябрь 2002-го года, украшенный Парижем. Прочтут ли их кто – не знаю, но, вспоминая о Париже, я подумаю и о вас, о том, как я писала вам эту открытку и даже не пыталась передать словами заколдованное очарование изображенного на ней огромного хрустального замка под открытым небом».

Сергей Макаренко, которого она несколько часов водила по лабиринтам парижских улиц в поисках мифического кафе, где угощают самым вкусным на свете мороженым, рассказывает: когда они его, в конце концов, отыскали, то ничего в этом не было особенного, обычная стекляшка, обыкновенное мороженное, нет, она: «самое вкусное на свете!». Ей было даровано прозревать сквозь завесу, скрывающую от нас жемчужины.

Тем временем, Света Василенко тоже покинула меня, так что в последний вечер перед отлетом в Москву я погрузилась в блаженное самосозерцание. И надо же такому случиться, что ко мне в гости собрался навеститься Вадим Месяц, обитающий в соседнем номере. Во Франкфурт он прибыл из Америки и тщетно пытался наладить свои биоритмы: путал день с ночью, запасался на ночь едой, видимо, проснувшись поздним вечером, тихонько постучал мне в дверь.

Но у меня такая медитация пошла – о призрачности этого мира, я слышу, Вадим стучит, но просто физически не могу

откликнуться, и, дорожа уединением, подумала: Месяц поскребется и пойдет восвояси, не будет настаивать на столь позднем визите. Нет, он давай настаивать, в Нью-Йорке-то утро! Вот он стучит, а я уже и не знаю, как быть, ведь я сделала вид, что гуляю или сплю, или как говорит Леонид Юзефович: *«в нашем с тобой возрасте мы всегда можем сослаться на плохое самочувствие...»* Однако Месяц, выйдя из тумана, вынув ножик из кармана, отрезал мне все пути к отступлению. Он то стучал, то заливисто трезвонил по местному телефону, а когда я, слегка одурев от осады, выдернула штепсель из розетки, окончательно догадался, что от него пытаются скрыться, это затронуло его за живое, он выудил из-под кровати свои тарелки с заначками и стал метать в мою дверь котлеты с картошкой, а также ананасы и персики. Более того, Месяц вызвал для подкрепления товарища по цеху Елену Андреевну Шварц. И я услышала ее несравненный хриплый прокуренный басок. Светлая память этой самобытнейшей женщине и удивительному поэту, она спросила:

– А что ты волнуешься? Думаешь, она там подохла?

Вместе они представляли могучую силу и нипочем бы не отступили, а если мне и впредь запираяться и волынить, они попросту позвонили бы в полицию.

Надо было видеть их лица, когда я открыла. Это финальная сцена из «Ревизора».

– Вы извините, – растерянно сказал Вадим после паузы, – я, кажется, вас побеспокоил? Мне стало немного одиноко и

захотелось перемолвиться с кем-нибудь парой слов...

– Ничего страшного, – ответила я с понимающей улыбкой, – доброй ночи, друзья...

Наутро меня разбудило гуденье пылесоса под дверью. Несколько горничных убирали роскошные следы дебоша, учиненного жертвой моего негостеприимства, на рассвете улетевшего в Нью-Йорк.

Убедившись, что меня не призовут к ответу, я выглянула из номера и на ручке двери заприметила пакет. В нем лежала книга с дарственной надписью:

«Марине Москвиной, единственной-одной...»

Я приняла ее с благодарностью и раскаянием, и она сразу, конечно, раскрылась на том стихотворении, которое я часто вспоминаю, особенно после знакомства с автором.

Ира очень смеялась, когда я рассказывала ей эту историю. Тут примчался неуловимый Вавилов на мотоцикле – то ли «Ямаха», то ли «Харли Дэвидсон». Когда мы приближались к его кабинету, я, конечно, волновалась – нас, авторов, много, а Вавилов – один. Ира это почувствовала, обернулась и скомандовала:

– Облегчи ауру!

Олег нас принял радушно, угощал японским чаем из крошечных глиняных чашечек. Он как раз собирался в паломничество к святым местам – два раза по часовой стрелке обойти вокруг Кайлаша.

Об «Индии» моей речь уже не шла – Ира влюбилась в «Мусорную корзину...», до того близко приняла ее к сердцу, будто сама написала. Она ощущала в себе ростки писательства, и прорыв к естественному, как дыхание, тексту – трагическому и эфемерному, где не только анатомия, но и астрономия описывает нас, – привлекал ее творческую натуру. В литературе, как и в жизни, ей хотелось выкарабкаться за рамки неумолимой логики и поверхностных сцеплений.

«Первым семечком на пути большого роста, – писала она маме с папой из Лондона в 90-х, – я выбрала форму короткого рассказа. Зная себя, прекрасно понимаю, что если сразу замахнуться на то, что тебе не по зубам, прожекты так и останутся в камере черепной коробки, и я буду тянуть и откладывать до тех пор, пока совсем не зарасту паутиной. Для храбрости читаю книжку о том, как быть писателем. В ней нет технических приемов, зато много упражнений на растяжку воображения и укрепления внутреннего зрения, когда ты все так живо и в мельчайших подробностях представляешь, что описание получается зеркальным – не отличить от настоящего. Я не хочу писать рассказы, слизанные с натуры. Меня больше тянет к жанру экзистенциальному и слегка сюрреалистическому. К притче. Но в современном исполнении. Для того чтобы работать в этом стиле надо не только знать как сказать, но и в большей степени что сказать. Велосипед в литературе, конечно, давно уже изобретен, но вариации на его тему открыты для всех. Главное, чтобы взгляд

был не замыленным и видел мир в индивидуальном ракурсе. И если он оттуда будет слать сигналы в – пусть не гениальный – но живой тренированный мозг, там вполне может родиться что-то достойное».

Все это время, пока у нас расцветала «Мусорная корзина для Алмазной сутры», муж мой Лёня Тишков, художник, поэт и создатель мифологических Существ, возил своих Даблоидов и Водолазов из одной страны в другую. Он слал семье эфемерные приветствия, временами надолго замолкая, а когда я совсем отчаивалась, Лёнин друг – живописец Басанец – утешал меня:

– Если мужик молчит – верный признак: он занят и работает. Будь у него шуры-муры, тогда б он без конца названивал и талдычил о любви. Я так всегда делаю, – сообщал он доверительно.

Зато вернувшись – Лёня сходу взялся за оформление «Корзины». Какую битву он выдержал с нашим строптивым сундуком! Окрыленная надеждой, Люся, знай, подтаскивала старинные фотоальбомы, где Степан Захаров – то подпирает плечом гроб Николая Баумана, то в крымских степях на Роллс-Ройсе продирается сквозь тучу саранчи, в водолазном шлеме достает со дна морского сокровища затонувшей «Жени-Розы», а также с Бухариным, Буденным, Каменевым, Дмитрием Ульяновым и его старшим братом – заседает на партсъездах...

Эскизами и набросками иллюстраций Лёня завалил весь дом. Он пытался отыскать какую-то новую правду: выдумать невиданное, сохранив осязаемую атмосферу 20–30 годов, взвиться под облака – и окунуться в реалии, однако почва уходила из-под ног, а воспарить на сундуке Захарова по-прежнему удавалось только преподобному Хуйенэну.

Он-то и намекнул Лёне, мол, в соответствии с местом и временем – даже Тишкову! – необходимо приостанавливать кармическую активность и прояснять дух, чтобы дать выход чудесной естественности...

(– А кто с этим спорит? – возмущался мой сын Серега, когда я зачитывала ему подобные крылемы. – Что вы все ломитесь в открытые двери?! Кто возражает?!)

В общем, когда мы уперлись лбами в тупик, Лёню озарила идея. Он решил сплавить воедино архивные фотографии деда и свои мифологические акварели.

Ира тут выступила музой. Очень уж Лёне захотелось ей показаться в выгодном свете, а не ударить в грязь лицом. Она оказалась мощным вдохновителем и бесценным соратником построения новой яви.

Старые фотографии, извлеченные из бархатных альбомов и картонных папок с тесемками, маленькие и потемневшие от времени, были сканированы и увеличены на экране компьютера, так что наши герои прямо на глазах обретали новое телесное существование. Мы стали чувствовать тепло их рук и щек. Шум моря, запах воды, травы, то, что сопутству-

ет чуду воскресения, донеслись до нас. Лишь необратимая вечность, которая светилась во взгляде персонажей, не позволяла им сойти с экрана и заключить нас в свои объятия.

Да, из прошлого нельзя совершить прыжок в реальность настоящего. Зато можно проникнуть в сверхреальность, источник тьмы вещей, обитель ангелов и драконов, создателей и разрушителей Вселенной.

Воодушевленный Ирой, при содействии дизайнера Маши Югановой, художник Тишков, по образованию врач и алхимик, осторожно свел воедино эти энергетические поля. Они стали переплетаться, обмениваться зарядами, – и вот уже делегаты партконференции слушают Будду у подножия баньяна, на женском пляже в Сочи играет на флейте Кришна, птичеловек Гаруда спасает авиаконструктора Ваню Поставнина, приплывают наяды к санаторию Морфлота, приносят Фаине дары волхвы. И этот космос, отправленный Вавиловым в печать и ставший книгой, начал мерцать и клубиться над нашими головами.

«Корзину» мы, разумеется, торжественно посвятили Люсе.

Когда делали макет, мама предупредила: если из ее фотографий в книге будет только та, где она в двухлетнем возрасте в Пятигорске, – она не на шутку рассердится.

Мы дали еще одну: там она в расцвете лет на Черноморском курорте в шелковом платье струящемся – а на своем коллаже Лёня поместил ее в сердцевину лотоса.

В 2004 году на восемьдесят лет Люся получила идеальное издание «Мусорной корзины для Алмазной сутры», не имеющее себе равных. Бумага была немецкая, с оттенком топленого молока. Печать дуплекс – два цвета. Обложка – эфалин с малиновым тиснением. Шедевр книгопечатания. Люся была счастлива. Жить ей оставалось два года.

21 декабря 2006-го, в день зимнего солнцестояния (единственный в мифах Древней Греции, когда богу Аиду позволено появляться из подземного царства на горе Олимп) – Ира прислала мне sms-ку:

«Родная моя Мариша...
Сегодня моей маме исполнилось 77,
а твоей мамы не стало...
Они рождаются и умирают в один день,
но остаются с нами на всю жизнь —
нашу общую,
бесконечную,
запредельную жизнь.
Пусть всегда будет мама...
как солнечный круг,
подпирающий нас изнутри».

В честь «Мусорной корзины» мы задумали вереницу ликующих презентаций. Первая встреча с читателями предполагалась на Нон-фикшн, но – ни плакатика, ни объявлений на весь Дом Художника, ни толп журналистов – это нам совершенно не грозило: в полном составе рекламный отдел «Софии» брошен был на триумфальное продвижение Паоло

Коэльо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.